

Хеубшман Ариадна Сергеевна

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ЭТНОЛОГОВ

Статья посвящена современным исследованиям польских этнологов в монгольском регионе. С середины 80-х гг. XX века Монголия вступила в стадию исторических перемен во всех сферах общественно-политической и экономической жизни общества. Современные польские этнологи изучают монгольский мир в целом, не разделяя Монголию, Бурятию и Внутреннюю Монголию КНР. В статье рассмотрены основные темы их исследований и научные выводы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 187-190. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Международное право:** учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко. М.: НОРМА-ИНФРА, 2005. 624 с.
7. **Паневин К. В.** Сицилийская экспедиция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roman-glory.com/panevin-sicilijskaaya-ekspediciya> (дата обращения: 26.01.2016).
8. **Смыков Е. В.** Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне) // *Античность: общество и идеи*. Казань, 2001. С. 118-129.
9. **Татарнинова Л. Ф.** Концептуальные проблемы соблюдения нейтралитета во время «информационной войны» // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 11. Ч. 1. С. 309-313.
10. **Тиунов О. И.** Нейтралитет в международном праве. Пермь, 1968. 158 с.
11. **Умеренко Ю. А.** Международно-правовой статус нейтралитета и внутригосударственное право [Электронный ресурс] // *ЕврАзЮж*. 2011. № 10 (41). URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=2543:2011-12-02-04-33-59&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=196 (дата обращения: 26.01.2016).
12. **Умеренко Ю. А.** Формы нейтралитета в международном праве // *Современное право*. 2011. № 9. С. 98-103.
13. **Фишер Х.** Австрийский нейтралитет // *Парламентская газета*. 2005. № 10. С. 34-40.
14. **Фокина С. В.** Нейтралитет Швейцарии: история становления // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51). Ч. 2. С. 200-202.
15. **Bonjour E., Hottinger M.** *Swiss Neutrality, Its History and Meaning*. L.: G. Allen and Unwin, Ltd., 1978. 140 p.
16. **Bruner E.** *The Swiss Approach. Between the Blocks: Problems and Prospects for Europe's Neutral and Nonaligned States* / ed. by J. Kruzal, M. H. Haltzel. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 285 p.
17. **Gabriel J. M., Fischer T.** *Swiss Foreign Policy 1945-2002*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 209 p.
18. **Shiendorfer A.** *Neutrality: The Essence of Switzerland* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.credit-suisse.com/li/en/about-us/responsibility/news-stories/articles/news-and-expertise/2015/12/en/neutrality-the-essence-of-switzerland.html> (дата обращения: 26.01.2016).
19. **The Armed Neutralities of 1780 and 1800: A Collection of Official Documents Preceded by the Views of Representative Publicists** / ed. J. B. Scott. N. Y., 1918. 736 p.

THE BASIC STAGES OF FORMING AND DEVELOPING NEUTRALITY IN THE EUROPEAN SPACE (BY THE EXAMPLE OF SWITZERLAND AND AUSTRIA)

Fokina Svetlana Vasil'evna

Ryazan State University named after S. A. Esenin
s.fokina@rsu.edu.ru

The article discovers the basic stages of forming and developing neutrality policy in the European region. The author examines the key historical backgrounds conditioning neutrality arrangement from desirable foreign-policy course into a status fixed by international norms and agreements. The paper covers the basic types of neutrality in Europe, in particular armed neutrality, or neutrality in the war period, and permanent neutrality. The researcher analyzes the basic tendencies for neutrality development by the example of Switzerland and Austria.

Key words and phrases: neutrality; Switzerland; armed neutrality; permanent neutrality; foreign-policy course; Austria.; nonparticipation in military actions; international security; neutral state.

УДК 94

Исторические науки и археология

Статья посвящена современным исследованиям польских этнологов в монгольском регионе. С середины 80-х гг. XX века Монголия вступила в стадию исторических перемен во всех сферах общественно-политической и экономической жизни общества. Современные польские этнологи изучают монгольский мир в целом, не разделяя Монголию, Бурятию и Внутреннюю Монголию КНР. В статье рассмотрены основные темы их исследований и научные выводы.

Ключевые слова и фразы: Монголия; Бурятия; Сибирь; польские этнологи; национальное возрождение.

Хеубшман Ариадна Сергеевна

Бурятский государственный университет
a.heubschman@gmail.com

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ЭТНОЛОГОВ

С середины 80-х гг. XX века в ходе демократической революции Монголия вступила в стадию исторических перемен во всех сферах общественно-политической и экономической жизни общества. Смена модели развития монгольского государства, от построения основ социализма к новой, неведомой для монголов и мирового сообщества модели, привела к существенной эволюции в духовной сфере общества. Эти процессы характеризовались и характеризуются возрождением традиционных религий – буддизма и шаманизма. В Монголии резко возродился культ Чингис-хана, начался процесс реномадизации монгольского общества.

Эти быстротекущие социально-политические, духовные, научные изменения в Монголии по-новому поставили проблемы изучения Монголии в трудах зарубежных и в том числе польских ученых.

После 1989 г. польские монголоведы стали изучать монгольский мир в целом, не разделяя Монголию, Бурятию, Внутреннюю Монголию КНР, а рассматривали монгольский этнос как единый народ.

Этнологические исследования польских учёных занимают ведущее место в польском востоковедении и монголоведении. Несколько экспедиций польских этнологов в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. исследовали территорию Северной Монголии, Дархатской котловины, которые раньше назывались Урянхайским краем и являлись территорией раздора между Россией и Китаем. Экспедиции проводились в рамках проекта «Изолированная община в условиях экономической и культурной открытости. Цаатаны северной Монголии – этнологические спасательные исследования». Монография «Оленеводы монгольской тайги» под редакцией Ежи Василевского 2008 г. является результатом этих исследований [7]. Польскими этнологами были изучены район Северной Монголии, бассейн Дархатской котловины, которые раньше носили название Урянхайского края и были спорной территорией между Россией и Китаем. Эту часть тайги населяет племя цаатанов – «людей оленя». Они являются горными оленеводами немонгольского происхождения. Их собственный язык, относящийся к тюркским языкам, подлежит забвению. Они живут не в юртах, а в шалашах-палатках, напоминающих индейские типи. Цаатаны сохранили архаичный шаманизм в его древней форме. Исследования варшавских этнологов были запланированы как спасательные исследования, имеющие своей целью регистрацию погибающей культуры. Это связано с тем, что оленеводы переходят на полуседлый, скотоводческий образ жизни, а оставшиеся в тайге животноводы борются с вымиранием стад (в результате инбридинга, т.е. скрещивания близкородственных форм в пределах одной популяции организмов) и алкоголизмом. Цаатанская культура начинает ограничиваться фольклорными представлениями для туристов, в то время как большинство членов общины принимают монгольскую модель культуры и хозяйствования.

Переводчиком и участником выше описанного проекта стала монгольская исследовательница политической культуры Оюунгэрэл Тангад. После окончания проекта она стала обладателем гранта Министерства науки и высшего образования республики Польша на тему «Ландшафт как источник идентичности жителей Монголии». В результате этих исследований была издана ее монография «Наследие Чингис-хана. Демократия по-монгольски» [6]. В своей научной работе Оюунгэрэл Тангад рассмотрела возможности развития демократических идей и институтов в посткоммунистической Монголии.

После того как раздел мира на два лагеря прекратился, идеи панмонголистов начала XX в. о единстве монгольского мира и монголосфере снова стали актуальными. Так, после распада СССР представители польской этнографии и культурной антропологии возобновили этот подход, получив доступ к исследованиям в Бурятии и Калмыкии – важных регионах монгольского мира.

Бурятия также является особым регионом для поляков, как часть Сибири, куда в XIX в. ссылали представителей польской интеллигенции и духовенства. Их работы, написанные в годы ссылки, до сих пор оказывают влияние на нынешних исследователей. Исторический опыт существования в рамках большого государства и естественное стремление к автономии и сохранению специфических черт своей культуры объединяют поляков с бурятами. Возможно, поэтому польских исследователей отличает более эмоциональный подход к изучению истории и культуры бурят по сравнению с другими западными исследователями.

Первыми польскими учеными, решившимися на полевые исследования в Бурятии после 1991 г., стали Ева Новицкая и Роберт Вышиньский. Е. Новицкая является профессором и заведующей кафедрой социальной антропологии в Варшавском Университете. В сферу её научных интересов входят национальные и этнические меньшинства в Европе и Польше, миграционные процессы, коренные и малые народы Сибири и Европы. Р. Вышиньский является сотрудником Института Социологии Варшавского Университета. Главной областью его исследований являются этнонациональные процессы на постсоветском пространстве, а также история и современное положение поляков в Сибири и Казахстане.

В 1996 г. на основе проведённых этими учёными исследований была опубликована их совместная монография «Ламы и секретари. Уровни социальных связей в современной Бурятии» [5]. До этой публикации в Польше в течение многих лет не было издано ни одной этнологической монографии о бурятах. История бурят, по мнению авторов, может послужить примером процессов, происходивших с автономными народностями в царской России и продолжавшихся после Октябрьской революции 1917 г. Буряты на момент исследований находились в процессе строительства современной бурятской нации в очень сложных условиях. Исследователи использовали методы опроса, анкетирования и собственных наблюдений. Задачей, поставленной в работе, был ответ на вопрос, что значит сегодня быть бурятом в глазах самих бурят. Вокруг каких ценностей сосредоточена современная «бурятскость», так глубоко затронутая восточными и западными культурными влияниями, а также последующими этапами коммунистической революции.

В 2000 г. в Кракове вышел сборник статей под редакцией Е. Новицкой «Большая Сибирь малых народов» [9]. Данная работа представляет собой обзор самых важных польских этнологических работ, посвященных Сибири, основанных на полевых исследованиях, проводившихся в 90-х гг. XX в. Все работы выдержаны в одном ключе – этнического возрождения и нацистроительных процессов. По мнению авторов, исследование этнической идентичности осуждалось в Советском союзе как проявление идеализма буржуазной науки и разжигание национальной вражды. Политические перемены дали возможность польским ученым выбрать данную тематику для этнографических исследований в регионе.

По мнению польских этнологов, власти СССР стремились к полной ассимиляции и аккультурации автохтонных народов. Их должны были изменить на «советский народ» – чётко рассматриваемый авторами как

некая «анти-ценность», «анти-идентичность». То, что по отношению к другим многоэтническим странам описывается как естественный процесс (например, в США), по отношению к России резко осуждается.

Например, статья З. Морохоевой и С. Запасника «Проблемы возрождения бурятской культуры и особенности истории бурят» рассматривает условия бурятского канона национальной культуры [4]. Авторы рассматривают процесс формирования административных родов в XIX в., а также советские попытки сделать бурятскую культуру однородной и советизировать ее. Много внимания также было уделено негативному для этнической консолидации влиянию разделения бурятской республики в 1937 г. Морохоева и Запасник приходят к выводу, что в СССР был создан идеализированный образ кочевой, родовой и эгалитарной бурятской культуры, который должен был свидетельствовать о дореволюционной отсталости бурят. Попытка возрождения культуры наподобие этого образа могла стать препятствием в адаптации сегодняшнего бурятского общества к условиям свободного рынка [Ibidem, s. 23-24].

Темой религии и этнических процессов в постсоветский период занимаются этнологи из Познаньской этнологической школы. Системы верований бурят в постсоветский период описала В. Беляева. Этнолог из Щецинского университета Вероника Беляева в своих трудах, основанных на тщательно подобранном этнографическом материале, создала образ гибридной бурятской культуры, обладающей небывалым соединением шаманистских, буддийских, православных и советских элементов с современной поп-культурой [2]. Научные выводы были сделаны ею на основании исследований, проведенных в Тункинском районе республики Бурятия.

Этнические процессы в современной Монголии и Бурятии были поданы анализу в работах сотрудника Института Этнологии и Культурной Антропологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани Збигнева Шмыта. Его статья «Нация и этничность в Монголии» [8] посвящена концепциям этничности и нации, которые создавались в Монголии с момента обретения независимости до сегодняшнего дня. С этой целью были проанализированы панмонгольский, социалистический и постсоциалистический этно-национальные дискурсы. Особое внимание было обращено на практику включения и исключения приграничных групп (таких как буряты, баргуты, тувинцы, а также монголоязычные группы, живущие только в России и Китае) из категории нации. Автор рассмотрел влияние нынешней этнической политики в Монголии на этот процесс. Попытки конструирования национальной идентичности одновременно на имперской традиции периода Чингис-хана и на гражданском национализме, по мнению автора, ведут к идентификационной запутанности. В результате представители монголоязычных групп, которые живут за границами Монголии, считаются амбивалентными и воспринимаются иногда как «мы», иногда как «чужие». Збигнев Шмыт также изучает социальные и культурные процессы современных бурят в России и Китае. В 2013 г. в Иркутске вышла его книга ««Модерн номаде»: антропологические очерки современных бурятских миграций в России» [1].

Сотрудник восточного факультета Университета им. А. Мицкевича в Познани Иван Пешков рассматривает в своих работах процессы культурной метизации групп старожилов Забайкалья – гуранов, – а также русские и эвенкийские общины во Внутренней Монголии. И. Пешков также интересуется т.н. антропологией пограничья, т.е. проблемами влияния границы на историческую память, экономику, групповую идентичность фронтальных обществ. Следующей важной темой, изучаемой Пешковым, являются социально-экономические последствия посткоммунистической трансформации во Внутренней Азии.

Заинтересованность социальными и культурными изменениями, которые переживают сегодняшние россияне, огромно, и специалисты осознают многообразие проблем этнических меньшинств бывшего СССР, а особенно далёкой Сибири.

По вышеперечисленным примерам видно, что в польской этнологии в 90-х гг. возник круг вопросов, связанных с процессами этнической активизации сибирских народов и монголов. В сравнении с советским периодом можно увидеть кардинальную разницу в оценке влияния советской модернизации на монголоязычные народы. В их оценке это был, прежде всего, насильственный процесс, направленный на уничтожение местной культуры. Их интересы поэтому сосредоточились на попытках воссоздания на руинах Советского Союза этнической культуры. Также изменилось главное поле научных изысканий. Монголия продолжает оставаться предметом изучения, но основное внимание этнологов переместилось в Восточную Сибирь, травматическое место для общественного сознания поляков, место ссылки и депортации. Эмоциональный подход к полю и предмету исследования сказался на работах большинства польских этнологов, но всё-таки эти работы следует воспринимать как новую точку зрения, которая расширяет горизонты общенаучного знания.

Список литературы

1. Шмыт З. «Модерн номаде»: антропологические очерки современных бурятских миграций в России. Иркутск: Оттиск, 2013. 192 с.
2. Belyaeva V. Szamani i lamowie w sercu Sajarów. Współczesny system wierzeniowy Buriatów Doliny Tunkijskiej. Wrocław – Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2009. 296 s.
3. Dudek A. Historia Polityczna Polski 1989-2012. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2013. 672 s.
4. Morochojewa Z., Zapaśnik S. Problemy odrodzenia Buriackiej kultury a osobliwości historii Buriatów // Wielka Syberia małych narodów / red. E. Nowicka. Kraków: Nomos, 2000. S. 23-24.
5. Nowicka E., Wyszyński R. Lamowie i sekretarze. Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 1996. 200 s.
6. Oyungerel T. Scheda po Czyngis Chanie. Demokracja po mongolsku. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2013. 254 s.
7. Pasterze reniferów mongolskiej tajgi / red. J. Wasilewski. Warszawa: Wydawnictwo DiG i IEiAK UW, 2008. 274 s.
8. Szmyt Z. Buriaci w Mongolii. Dylematy tożsamości etnicznej i narodowej // Lud. 2007. T. 91. S. 155-168.
9. Wielka Syberia małych narodów / red. E. Nowicka. Kraków: Nomos, 2000. 200 s.

ETHNIC PROCESSES IN THE MONGOLIAN REGION IN MODERN POLISH ETHNOLOGISTS' RESEARCHES

Kheubshman Ariadna Sergeevna
Buryat State University
a.heubschman@gmail.com

The article is devoted to the modern researches of Polish ethnologists in the Mongolian region. Since the middle of the 80s of the XX century Mongolia has entered into the stage of historical changes in all the spheres of the socio-political and economic life of the society. Modern Polish ethnologists study the Mongolian world as a whole, without dividing it into Mongolia, Buryatia and Inner Mongolia of the People's Republic of China. The author considers the main topics of their researches and scientific conclusions.

Key words and phrases: Mongolia; Buryatia; Siberia; Polish ethnologists; national revival.

УДК 94(470.372)

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу культурно-психологических аспектов стахановского движения во второй половине 1930-х гг. В начале работы дается краткий экскурс в историографию вопроса. Затем освещаются истоки стахановской ментальности, а также ее конкретные проявления: энтузиазм, приоритет общего над частным, сопричастность советским ценностям и идеологии того времени. Не обходятся стороной и негативные черты мировоззрения советских рабочих, относившихся к категории стахановцев, такие как: желание повышенного внимания к своей персоне, рекордомания и т.д. В конце делается вывод о роли «стахановца» как типа личности в истории довоенного СССР.

Ключевые слова и фразы: стахановцы; ментальность; энтузиазм; рекорды; идеология; модернизация; индустриальное общество; коллективы.

Чемоданов Павел Андреевич

Вятский государственный гуманитарный университет
pavelche1492@mail.ru

СОВЕТСКИЙ СТАХАНОВЕЦ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ КАК КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

В советскую эпоху по истории стахановского движения в нашей стране накопилась масса публикаций различных жанров, в том числе и научного характера, или, по крайней мере, с претензией именоваться таковыми [2; 7; 13]. Несмотря на это, серьезных пробелов в изучении данной темы более чем достаточно. Преобладающая часть работ была написана в традиционном для советской историографии стиле и посвящена, как правило, описанию социально-экономических аспектов исследуемого явления. В постсоветский период отдельные авторы подвергли критике старые трактовки стахановского движения, однако и они в той или иной степени унаследовали при этом от своих предшественников перекося в сторону экономического компонента проблемы. Психологической, культурной стороне движения, как и прежде, уделялось явно недостаточное внимание.

Что касается более или менее крупных работ, то лишь в книге В. А. Козлова и О. В. Хлевнюка «Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов», кстати, вышедшей в свет еще в конце советского периода – в 1988 году, была предпринята попытка восполнить указанный пробел. Однако и в ней культурно-психологическим особенностям советского стахановца как типа личности отведено лишь немного места. Авторы ограничиваются скупой характеристикой стахановцев как «передовых представителей рабочего класса и колхозного крестьянства..., ориентированных на активное отношение к жизни, творческий подход к решению профессиональных задач» [9, с. 163].

Если говорить о более поздних исследованиях, то в них интерес к теме стахановского движения постепенно возрождается. При этом определенная «однобокость» (в сторону социально-экономического аспекта стахановского движения) наблюдается в отечественной историографии и сегодня. Так, в журнале «Вопросы истории» в 2015 году вышла статья екатеринбургского профессора М. А. Фельдмана «Место стахановского движения в предвоенной советской истории». В ней автор с опорой на достижения отечественной и зарубежной исторической науки, а также документы уральских архивов освещает ряд важных сторон исследуемого явления, касаясь в том числе вопросов ментально-психологических особенностей советских стахановцев.

Фельдман утверждает, что преобладающим мотивом «перехода» рабочих из основной массы в категорию стахановцев была более высокая, в сравнении со средней по отрасли, заработная плата. Существование же самого движения, по его мнению, поддерживалось «запугиванием всех сомневающихся во “всеобъемлющей силе стахановского труда”», поскольку оно «с момента зарождения до реального исчезновения после 1936 года носило искусственный, мифологический и агитационно-пропагандистский характер» [22, с. 6-16]. Из утверждения об отсутствии реального социально-экономического содержания в стахановском движении у автора